

УДК 94(367).012; ББК 63.3(2)41; DOI 10.21638/11701/spbu19.2016.102

Е. А. Шинаков

ЧТО ЕСТЬ «СЛАВЯНСКОЕ ПЛЕМЯ»? ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «STUDIA SLAVICA ET BALCANICA PETROPOLITANA»

Используете ли Вы термин «племя» в Ваших работах, когда речь идет о славянских обществах раннего Средневековья, и, если да, то в каких контекстах и в связи с какими задачами Вы предпочитаете его использовать?

Заполнение данной анкеты побудило нас проанализировать в дискутируемом аспекте собственное научное творчество. Изначально была сделана попытка вывести археологические и нумизматические данные на исторический уровень. Нами высказывалась гипотеза о возможности существования самостоятельной, отдельной от Руси и даже противостоящей ей «государственности» на территории позднеэпохальной культуры X в. Здесь впервые в наших работах был осуществлен переход от принятой у археологов «племенной» терминологии к общеисторической (принятой у медиевистов) в политическом смысле. До конца IX в. на территории Восточной Европы на базе племенных союзов сложилось несколько «племенных» (а точнее, территориальных) княжеств или варварских государств с разной степенью развитости социальных отношений. Затем на основе этих княжеств племенных союзов складываются два предшествующих Древнерусскому государству («империи Рюриковичей») предгосударственных образования — федерации (или конфедерации?) трех-четырёх северных славянских и финских княжеств и надплеменного (северяне, вятичи, частично радимичи) территориального государственного образования на основе позднеэпохальной культуры.

Согласно этой гипотезе, племенные союзы *сменяются* княжествами, затем их объединениями, но при этом сохраняются как этнокультурные единства, и их археологические индикаторы даже становятся все более «яркими».

Позже наш взгляд на проблему союзов племен стал более дифференцированным. На основе результатов контент-анализа «восточных» источников и осмысления идеи о равноуровневости и разнотипности процессов политогенеза мы пришли к теории о «двухуровневости» формирующейся древнерусской государственности, в которой «племена» имели место, во-первых, только в образованиях «нижнего» (регионального) уровня, а во-вторых — не во всех. Из трех макрорегионов Древней Руси к двум ранее обозначенным добавлен Юго-Запад — именно для последнего характерны племенные союзы (белых хорватов, волынян, древлян) в качестве базы для образования территориальных княжеств. Кроме того, застыли на уровне союза племен к моменту окончательного включения в состав Древней Руси часть радимичей и северные вятичи. Словосочетание «союз племен» первоначально нами не использовалось вообще. Отчасти это понятие скрывается за термином «негосударство». Слово «племя» используется, но только в этнокультурном контексте и в качестве прилагательного: «племенные “грады”», «межплеменные крепости».

Однако данные экскурсы в теорию и конкретику государствогенеза носили ограниченный характер (хотя многие предположения позднее были разработаны и подтверждены более детальным анализом комплекса письменных и археологических источников). Связана эта невольная «ограниченность» была с происходившим в постсоветской науке пересмотром теории государства, практически ее отсутствием в распоряжении археологов и историков-русистов. Этнологами, отчасти востоковедами и еще менее медиевистами она (в «лице» политической антропологии под разными названиями) как раз практически использовалась.

Следующий этап изысканий был связан с написанием нами докторской диссертации на стыке отечественной и всеобщей истории, археологии и политической антропологии по теме «Генезис древнерусской государственности (опыт сравнительно-исторического анализа)». На наши взгляды решающее влияние оказало знакомство с положениями политической антропологии, особенно теории потестарности и, в первую очередь, с работами Д. М. Бондаренко, В. А. Попова, П. Л. Белкова, В. В. Бочарова, Н. Б. Кочаковой, систематизировано, на методическом уровне — Л. Е. Куббеля. В более общем, теоретико-методологическом уровне (теория полилинейности и этапности) влияние оказал неозволюционизм Л. Уайта и Дж. Стюарта, конкретизированный у Э. Сервиса, М. Салинза, М. Фрида, К. Поляни, Дж. Хааса, Х. Классена, П. Скальника, Р. Карнейро и др. При этом была произведена попытка перенести эти общие и частные положения, конкретные аналоги, на почву древнерусской истории и археологии.

Конкретно это выразилось в использовании понятия «сложное вожжество» как этапа, которому на Руси соответствовал ранее предложенный нами термин: «двухуровневая держава» Олега и Игоря. При этом процесс трансформации «предгосударственности» этого этапа и формы перехода в «раннее государство» через «дружинное государство» был впервые рассмотрен в компаративистском аспекте — синхростадиально с Польшей. В то же время, в конкретных археолого-исторических работах мы еще применяли «племенную» терминологию, хотя уже начали обращаться к политико-антропологическому понятийному аппарату.

Основное внимание было уделено этническому аспекту понятия «племя». Чаще всего этим термином обозначается часть «народа» (чуди, мери, кривичей и пр., которые в «Повести временных лет» названы «языками»), то есть он является этнико-

сом («всех славянских племен»). Однако основные признаки этникоса — этническое сознание и культура (выраженные археологически) — «тесно связаны, в том числе и территориально, с потестарными структурами». Для более высокого таксономического уровня некоторых этникосов использован термин «потестарно-политические организмы», иногда входившие в еще более высокие по уровню «крупные, в том числе иноэтничные, территориально-политические надплеменные образования». Что касается «титального» с конца IX в. «племени» полян, то с ними возникает противоречивая ситуация как по летописным, так и по археологическим данным: если они представляли собой племенное объединение — то самое слабое, если этнопотестарное племя, то самое сильное.

Если говорить о племенных объединениях, то на основании археологических и нумизматических материалов нами были выделены потестарно-политические образования, объединения «малых племенных княжеств» типа конфедерации или даже иерархической федерации уровня «сложного вожества» у поздних «роменцев» (9 центров) и белых хорватов («сложное вожество», 7 центров)¹. Мы согласны с точкой зрения В. В. Приймака о возможности существования на территории ранне-роменской культуры, под эгидой Хазарского каганата, протогосударства, состоявшего из славянских и неславянских «племен» и общин, во главе с волинцевской по происхождению «дружинной», привилегированной общиной Битицкого городища². Было отмечено соотношение понятий «потестарность», «вожество», «племена». На потестарном этапе вожеств («протогосударств») в Восточной Европе можно выделить следующие формы последних: «религиозное протогосударство — община во главе с теократией (например, кривичи), протогород — община во главе с «аристократией» (север Руси в основном), родовые структуры — племена во главе с «благородными родами» или военными вождями-князьями (или даже без них — у радимичей).

Эти формы протогосударств были выделены нами на основе конкретного восточноевропейского материала («индуктивно»), дальних и ближних аналогий («компаративистски») и как бы «ретроспективно» и «дедуктивно», исходя из «итоговых», стадияльно более поздних форм «зрелой государственности». Их классификация составила одно из методологических достижений докторской диссертации и неоднократно дорабатывалась в плане «углубления» методики и конкретики исследований. В частности, мы предлагаем «пятичленную» типологию форм протогосударственности этапа «вожеств» с указанием, в какие формы зрелых государств они в итоге (еще через два-три звена) перерастают, если не останавливаются в развитии, переходят на другой путь или погибают. Из этих пяти форм две напрямую связаны с «племенами» — «конфедерация племен с единым правящим родом» и «военизированный союз равноправных или иерархически организованных племен с «туземными» правителями».

Сравнение разных типов и уровней (компаративизм) стало методологической основой для дальнейших изысканий. Здесь опять используется «племенная» терминология, в общетеоретическом плане, при выяснении соотношения понятий «этническое» и «политическое»: «на ранних этапах политогенеза “этническое” практически

---

¹ Шинаков Е. А. Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования Древнерусского государства // Ранние формы социальной организации. Генезис, функционирование, историческая динамика / Под ред. В. А. Попова. СПб., 2000. С. 304, 306, 312, 321, 326–327.

² Приймак В. В. Територіальна структура межиріччя середньої Десни і середньої Ворскли VIII – поч. IX ст. Суми, 1994. С. 26–27.

сливалось с «политическим», являясь производным от последнего (особенно в этнопотестарном племени и военно-политических племенных союзах). Отсюда и форма потестарно-политической организации функционально связана с таким важнейшим признаком этноса как этническое сознание, отраженное в традиционной культуре и религии». Отсюда следует и практический вывод: межплеменные войны, создавшие чешскую державу, с точки зрения людей того времени, были войнами *внешними*, так как этническое сознание носило племенной характер. Нами говорилось о двух уровнях развития дружины — «племенном», когда ее воины служили «народу», и «государственном», в котором дружинники были преданы лично князю, и о местах ее дислокации — «градах» племенных и княжеских. Рассматривалась роль «государственной» дружины в борьбе с «племенным» сепаратизмом, предлагалось три варианта (польский, венгерский, стодоранский) ликвидации племенной аристократии или ее инкорпорации в раннегосударственные структуры³.

Парадоксально, но в более многочисленных, но и чуть более поздних публикациях по типологическому сравнению как процесса государствогенеза и структур Руси и Болгарии, так и по отдельным аспектам их связей, термин «племя» используется лишь дважды, причем в одном контексте — «союз семи племен» в Болгарии. В ходе исследования механизмов институционализации и легитимизации власти на разных этапах государствогенеза нами были выявлены те из них, которые ведут к формированию ранней государственности через племя и объединение племен. В результате действия трех механизмов (для этапов «вождеств» и «сложных вождеств» всего их было выявлено около десятка), а именно «родового», «военно-оборонительного» и «компромиссно-договорного», сначала внутри племен формируется или «родовая» иерархия, или власть военного вождя, затем происходит объединение племен⁴. Позднее мы добавили еще два механизма, ведущие к «объединению племен» — «навязанный» семейно-брачный и «сакральный» (через образование межплеменных религиозных центров). Стоит заметить, что только один из рассмотренных девяти видов (а именно — через установление путем матримониальных отношений мистических связей с местными правителями разных рангов) вел к интеграции именно племен и даже более мелких этнопотестарных единиц — «миров», составлявших «волости-племена».

Считаете ли Вы приемлемым использование термина «племя» при обращении к этнической истории славян в раннем Средневековье? Если нет, пожалуйста, объясните — почему? Если да, то что Вы понимаете под племенем в этническом смысле?

Безусловно, да. Заменить его практически нечем, если только не ввести понятие «этнические» группы разных таксономических уровней или разных «степеней» интеграции. В источниках по отношению к славянам используются три уровня понимания: славяне в целом («склавы», живущие в «стране Склавания»... «ни внешностью, ни языком, не отличающиеся от других склавов»⁵); отдельные славянские «народы», например, вильцы, или «хижане и чрезпеняне... доленчане, [гломачи,] и редарии»... кото-

---

³ *Шинаков Е. А.* Формы ранней государственности западных славян IX–XII вв. (вопрос о дружинном государстве) // Право: история, теория, практика. Брянск, 2000. Вып. 4. С. 141–148.

⁴ *Shinakov E.* The Mechanisms of Old Russian State Genesis // SEH. 2007. Vol. 6. No. 2. P. 128–129.

⁵ *Адам Бременский.* Деяния архиепископов гамбургской церкви // Немецкие анналы и хроники X–XI столетий / Под ред. В. В. Рыбакова. М., 2012. С. 338.

рых «за их храбрость называют вильцами, или лютичами»⁶. В первом случае «вильцы» — единый народ, во втором — группа «народов». В других частях текста объединения этого же таксономического уровня названы третьим термином — группой «племен» или даже «народов» («Мораване — это народы склавов»)⁷. Иногда крупные объединения славян типа лютичей или мораван подразделяются на более мелкие, которые кроме как «племенем» обозначить трудно. Именно к мелким отдельным «племенам» можно отнести упомянутых раздельно гаволян, «доссанов», «лебусов», «вилинов», стодоран и др. Однако, судя по этому же источнику, были и крупные племена, каждое из которых названо «народом» без внутреннего подразделения: вагры, ободриты (пареги), полабы⁸.

Как их назвать — вопрос другой. В «Повести временных лет» обозначением этнической общности — народа — выступает «язык», применимый к славянам в целом («язык словенск»). Для неславянских народов есть и иной уровень понимания термина «язык»: «И се суть инии языцы, иже дань дают Руси: чюдь, весь, меря, мурома, черемиса, ямь, мордва, печера, литва, земигола, корсь, нерома, ливь, суть свои языкъ»⁹. Здесь как раз речь может идти о племенах или их объединениях как этнических общностях. У восточных славян из-за переселения племена сохранились или восстановились далеко не везде, под влиянием уже не «родовых» (хотя и такие были — радимичи, вятичи по версии ПВЛ), а потестарных факторов. Более мелкие подразделения «словенского» языка — поляне, кривичи и т. д. — не обозначены никаким термином, но в их составе неоднократно упоминаются «роды». Термины «род», «племя», «племенное объединение» или нейтральный «группа племен» (но не союз, так как данный термин уже потестарный, тем более что реальные союзы, известные по письменным источникам, чаще носят временный и никак не этнический характер) ничем не хуже других. «Племя» — просто подразделение более крупной этнической общности, этноса — народа или народности. Язык — общий для всего «народа» или даже группы «народов», самосознание (по идее) двойственное, этнически выраженные черты материальной культуры и религия — по данным археологии, также двойственные, но с перевесом в пользу таксономически более высокого уровня, называемого в летописи по «имени».

Считаете ли Вы приемлемым использование термина «племя» при обращении к социально-политической истории славян в раннем Средневековье? Если да, то что Вы понимаете под «племенем» в социальном смысле? Если нет, пожалуйста, объясните почему.

В отношении славян в целом — возможно, да. Я не настолько информирован о современных социально-потестарных реконструкциях для земель западных и южных славян. Что касается славян восточных, то письменные источники не содержат никаких сведений именно о «племенном» уровне социально-потестарной организации. Есть данные о «микрофедеральном» уровне власти — «княжениях», причем как в ПВЛ, так и у восточных авторов (Ибн-Русте и другие авторы «первой традиции» описания русов

⁶ Адам Бременский. Деяния архиепископов... С. 340.

⁷ Адам Бременский. Деяния архиепископов... С. 339.

⁸ Адам Бременский. Деяния архиепископов... С. 338–339.

⁹ ПСРЛ. Т. 38. Радзивилловская летопись. Л., 1989. Л. 5.

и славян). Можно реконструировать на основе «Русской правды» социальный облик общины-верви, но не промежуток между ними. Тем не менее из описаний ступенчато-иерархической организации власти в «княжениях» следует, что были и более «мелкие» князья («племенного» уровня?).

Социологические реконструкции на основе археологических материалов микро-регионального уровня (Б. А. Тимошука и И. П. Русановой для белых хорватов и древлян, В. В. Енукова, С. П. Щавелева, Е. А. Шинакова и др. для Курского Посеймья) подтверждают это. В целом археологическо-топографический облик «племени» как социально-потестарного организма можно сопоставить с «гнездом поселений», состоявшим в IX в. (или чуть раньше и позже) из нескольких десятков (в зависимости от размеров и степени плодородия земель того физико-географического микрорегиона, к которому было «привязано» гнездо) небольших селищ-«весей», тяготевших к одному крупному комплексу, выполнявшему и военные, и сакральные, и административные, и (частично) торгово-ремесленные функции местного значения. Археологически выраженный «перевес» одной или нескольких из них, при возможном полном отсутствии некоторых зависел от формы потестарной организации («теократической», вождеско-дружинной (дружина по менталитету еще племенная, не княжеская), «старейшинской» (власть родовой аристократии)). В дальнейшем, после реформ князя Владимира, территория «племени» или иного типа позднепотестарного организма превращалась в «волость», а территория племенного объединения или иной формы потестарно-политического образования более высокого ранга — в «землю». Границы новых «земель» не совпадали с рубежами старых образований, которые специально делились между несколькими новыми политическими центрами — городами — и получали от них названия.

Однако, все это — реконструкции. Реальные описания реальных «племенных» структур управления содержатся только в этнологических источниках и могут использоваться с помощью компаративистских методик. Выработать свой взгляд на этот вопрос автору помогла статья А. Ю. Дворниченко в предыдущем выпуске журнала «*Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*», точнее, его полемика с Ф. Куртой, который обвиняется им в непоследовательности, находя у славян (южных, по крайней мере) и «сегментированную линиджную систему» и «королей» наподобие «бигменов» одновременно¹⁰. Однако если внимательно рассмотреть обе системы организации власти потестарного этапа, то противоречие снимается. Все дело в некотором смещении (или смещении) понятий. В случае с «системой сегментных линиджей» (по Э. Эванс-Причарду и М. Фортецу¹¹) речь идет о территориально-ступенчатой организации этносоциального организма, в котором каждый составляющий его линидж (по сути, «племя»), формально являясь родовым (состоящим из родов), в реальности представляет собой территориально-потестарное образование¹². «Бигменство» же — это конкретная форма правления, точнее даже принцип распространения, осуществления и обеспечения власти при той же территориально-потестарной организации, только не в Африке, а в Меланезии. Сходство этих двух систем на разных концах Земли отмечалось

---

¹⁰ *Curta F.* The Making of the Slavs. History and Archaeology of the Lower Danube Region, с. 500–700. Cambridge, 2002. P. 312–319; *Дворниченко А. Ю.* Племенные структуры и славянские политогенезы (Реплика) // *SSBP*. 2015. № 18 (2). С. 156.

¹¹ *African Political Systems* / Ed. by M. Fortes, E. E. Evans-Pritchard. New York, 1940.

¹² *Куббель Л. Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988. С. 119.

в литературе и ранее¹³. Археологически выявленной структуре «низших» и «средних» ячеек, по крайней мере, некоторых регионов восточнославянского общества в наибольшей степени соответствует именно система сегментных линиджей, иногда (племенные «княжества») представленная и единоличной властью вождей. Это не исключает и ранее обозначенных форм предвождеств и вождеств, включавших племя как составной элемент: разноэтничный военно-потестарный союз; теократическая конфедерация племен; отдельные потестарные племена¹⁴.

Если исследовать феномен племени в потестарном аспекте, неизбежно требует выяснения его соотношения с понятием «вождество». В одном случае племя рассматривается как универсальный (по Э. Сервису до 1975 г.) или возможный¹⁵ этап государствогенеза, предшествующий этапу вождеств. Во втором случае племя выступает как одна из форм потестарной организации, которая может как предшествовать «вождеству», так и существовать одновременно с вождеством или с ранним государством, дополнять их или даже входить в их состав. Последняя точка зрения наиболее последовательно и аргументированно была изложена А. В. Коротаевым, допускавшим даже обратную трансформацию вождества в племя¹⁶. Такой подход частично согласуется с теорией М. Фрида о «вторичности» племени, но именно частично. «Маргинальные» племена (по Н. Н. Крадину¹⁷) часто возникали в зонах соприкосновения кочевников с земледельческими цивилизациями с вполне конкретными целями. На Руси такой процесс вполне был возможен в веках в связи с постоянными контактами разного типа с Хазарией, Великой Моравией, Византией, опосредованно — с Каролингами и мусульманским миром.

Однако представляется, что более распространена была интеграция племен (с сохранением их этнопотестарной специфики) в состав некоторых типов вождеств¹⁸, в том числе не исключен и вариант их наличия, наряду с другими суборганизмами, в структуре территориальных княжеств — «вождеств дружинной формы»¹⁹, то есть тех образований во внешней структуре «Росии», которые Константин Багрянородный в трактате «Об управлении империей» называет «Славиниями». Эта территориальная (отчасти родовая) потестарная структура дополняется другими формами потестарной организации предвождеского и вождеского этапов: «протогород – потестарная община» (для Руси) и «протогород – государство» (для Западной Африки)²⁰, а также конический клан-рэмедж²¹ и мегаобщина, отчасти возникающая на его основе. Возникают «вождества», состоящие из одного большого поселения и «нежилой» земледельческой округи и в других регионах мира.

---

¹³ Кобищанов Ю. М. Полудье: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М., 1995. С. 279.

¹⁴ Шинаков Е. А. Образование Древнерусского государства: Сравнительно-исторический аспект. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009. С. 162.

¹⁵ Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. С. 151.

¹⁶ Коротаев А. В. Сабейские этюды. Некоторые общие тенденции и факторы эволюции Сабейской цивилизации. М., 1997. С. 136–140.

¹⁷ Крадин Н. Н. Понятие «племя» в современной антропологии // SSBP. 2015. № 2. С. 7.

¹⁸ Дворниченко А. Ю. Племенные структуры... С. 154.

¹⁹ Шинаков Е. А. Образование Древнерусского государства... С. 162.

²⁰ Кочакова Н. Б. Рождение африканской цивилизации (Ифе, Ойо, Бенин, Дагомея). М., 1986. С. 251.

²¹ Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. С. 122.

Каковы, на Ваш взгляд, социальные механизмы, обеспечивавшие распространение и воспроизведение групповых («племенных») идентичностей в славянском обществе в раннем Средневековье? Были ли, на Ваш взгляд, эти механизмы отличными от тех, что существовали в германских обществах?

При определении механизмов образования этнопотестарных организмов разного типа и уровня мы опираемся на такие принципы неозволюционизма, как индуктивно диагностируемая ограниченная многолинейность и этапность государствогенеза. Все возможные варианты направлений движения к государству или альтернативным ему, но одноуровневым с ним моделям развития в итоге сводятся к «трем путям: военному, аристократическому, плутократическому»²². Поскольку, по сути, эти же пути под другим названием фигурировали еще у Ф. Энгельса, да и до него по отдельности описывались, в общем, те же процессы, то мы просто присоединяемся к данной точке зрения. А вот что касается механизмов реализации этих путей, то, синтезируя и классифицируя различные варианты, мы предложили свою типологию механизмов институциализации и легитимизации власти на разных этапах государствогенеза.

Для начального, предшествующего вождествам, этапа было выделено семь групп механизмов, которые затем поэтапно дополнялись еще несколькими²³. Однако способы расширения территории власти уже сложившегося потестарного организма — нечто иное, чем механизмы его создания. Для процессов институциализации власти этапа простых вождеств отмечено действие четырех групп механизмов: «плутократические», «родовые» или «генеалогические», «ответно-военные», механизмы «внутреннего конфликта – компромисса (договора)». Плутократические механизмы связаны на Руси, прежде всего, с эксплуатацией международных транзитных торговых путей, стремлением расширить правящими верхушками отдельных «вождеств» зон контроля над путями. Здесь их интересы столкнулись с уже «оседлавшими» эти пути русами. «Родовые» механизмы действовали как внутри вождеств — для легитимизации власти и ее воспроизводства, так и вне их — для расширения территории этой власти («волоости») на другие части «своего» этникоса.

Конкретных вариантов этой группы механизмов материалы сравнительной этнологии дают великое множество, для славян же (не только восточных) в источниках преобладает «первопоселенческо-генеалогический». Кроме уже упомянутого «первопоселенчества» возможны также следующие варианты: появление единственного правящего рода, распространяющего свою власть на «неблагородные» роды; превращение рода в «поставщика» правителей в другие этносоциальные организмы; наличие конического клана, постепенно расширяющего свое «основание». Если «плутократические» механизмы были территориально ограничены зонами трех трансевропейских путей — «Восточного» или «Волжского», «из Варяг в Греки» («Днепровского»), баваро-хазарского и их местных вариантов, то «родовые» могли быть распространены повсеместно в славянском мире и по соседству с ним.

Механизм, условно названный нами «ответно-военным», означает особый тип военных действий, связанный с «ответом» конфедерации северных вождеств во главе с «лучшими родами» на военное принуждение и по сути — экономическую эксплу-

---

²² Carneiro R. The Tribal Village and Its Culture: An Evolutionary Stage in the History of Human Society // The Archaeology of Tribal Societies. Oxford, 2000. P. 33.

²³ Shinakov E. The Mechanisms of Old Russian State Genesis // SEH. 2007. Vol. 6. No. 2. P. 124–126.

атацию со стороны захвативших «Восточный путь» «варягов» («руссов» восточных источников). Был создан военно-политический союз, но уже не племен, а вожеств разных форм. По сути это был синойкизм в том числе протогородов — потестарных общин с образованием (по В. Л. Янину, М. Х. Алешковскому) общей столицы — резиденции «лучших родов» как минимум трех потестарных образований. Поводом для сохранения этого союза стали общие военно-экономические интересы. Для его дальнейшей консолидации в нечто, напоминающее постоянную конфедерацию, потребовался внутренний конфликт с последующим компромиссом и договором с внешним «арбитром» — пришлым князем (что весьма схоже с ситуацией, зафиксированной в африканском Бенине).

На Юго-Востоке при формировании составного («компаундного») вожества был задействован иной — «плутократический» — механизм благодаря установлению контроля местной потестарной верхушки над южным (Окско-Донским) вариантом «Восточного пути» и восточной частью «баварско-хазарского» пути. Его действие отразилось в материалах нумизматики, которые свидетельствуют о создании своей денежной системы. Это стало возможным благодаря благоприятной внешней конъюнктуре — русско-хазарскому конфликту 30–40-х гг. X в. и последующему временному равновесию сил Руси и Хазарии в этом регионе, что позволило создать временно независимое от обеих «центров силы» объединение племен и вожеств Юго-Востока (северяне, часть вятичей и радимичей) во главе с военной иерархией²⁴. Здесь военные механизмы были задействованы только косвенно.

И наконец, для уровня вожеств IX века имеются также косвенные данные (сообщение Ибн-Русте о характере дани, которую собирал «глава глав» «сакалиба» со своих подданных) о наличии семейно-брачных интегративных механизмов²⁵, но только для княжества с центром в Джарвабе (Хордабе). О механизмах, с помощью которых отдельные вожества были объединены «русью» в сложное (компаундное) двухуровневое вожество «Росия», а затем и в раннее государство, сейчас мы говорить не будем.

Что касается сравнения с германским «трайбгенезом» и методами расширения территории племени или объединения племен у германцев, то эти союзы носили исключительно военный и неустойчивый, с борьбой племен внутри них, характер, с разной степенью сложности и иерархичности структуры. Мы присоединяемся к классификации, созданной А. И. Неусыхиним, выделившим три вида таких союзов. По его словам, поводом к выделению знати были военные операции, но причинами ее превращения в постоянный слой — изменения в хозяйстве и социальных отношениях. Что же касается «королей», то «король» являлся таковым до тех пор, пока выполнял военные функции. Когда «король» переставал их выполнять, а богатства копил путем использования своего положения, он мог быть свергнут военной аристократией²⁶.

Некоторые незначительные дополнения к вопросам германского «военного» политогенеза для конкретных народов — готов и англо-саксов — были внесены учениками автора в ходе разработки компаративистского направления исследований. Так, Ф. В. Федосовым, в частности, подчеркивается прочность «племенного», еще «невоеннообразованного» звена у готов: «Поэтому снова отметим, насколько велика была роль и власть племенных вождей, как лидеров и авторитетов в готских образованиях и какой

²⁴ Шинаков Е. А., Григорьев А. В. О возможности существования государственности... С. 66–68.

²⁵ Шинаков Е. А. К вопросу о семейно-брачных механизмах... С. 5–12.

²⁶ Неусыхин А. И. Проблемы европейского феодализма. М., 1974. С. 393, 403, 412.

шаткой являлась роль и власть королей и вождей, возглавлявших племенные объединения».

Отметим, что у славян это соотношение объема и прочности власти было с точностью до наоборот, ибо их племенные объединения редко носили исключительно военный характер. На примере англо-саксонского общества А. С. Ерохиным были указаны конкретные примеры того, как некоторые короли «вождеств», «чьи действия причинили ущерб обществу, в соответствии с германскими стандартами... могли быть изгнаны или убиты»²⁷, особенно когда короли терпели поражения или военной опасности не было. Интересен также этносоциальный результат завоеваний: «Англо-саксы завоевывали пригодные для проживания земли, на которых они создавали свои общины, основанные уже не столько на родстве, сколько на случайном соседстве (в такие общины могли входить представители различных германских племен)».

У восточных славян такой же процесс мог иметь место в V–VII вв., но с одним отличием: он далеко не всегда был завоевательным из-за меньшей плотности населения Восточной Европы, отсутствия у местных финно-угров и балтов столь же развитой, как в Британии, социально-политической организации и, главным образом, из-за наличия у пришельцев и местных жителей разных систем земледелия и даже хозяйства в целом, что позволяло им занимать в большинстве случаев разные по сельскохозяйственным характеристикам физико-географические микрорегионы.

Каково, на Ваш взгляд, было соотношение между родовым и территориальным принципом социально-политической организации славянских общностей, которые в историографии назывались племенами, в VII–VIII и позднее, в IX–X вв.? Какова, на Ваш взгляд, была роль военно-дружинного элемента в формировании общностей, обычно именуемых в историографии племенами?

Как показывает в том числе германский опыт, при переселениях любых типов родовые связи на «верхнем» уровне или ослаблялись, или полностью разрушались. Должно было пройти некоторое время для восстановления новой этнической идентичности на новой потестарной основе (если она была). Сохранение племенного единства было возможно только при разовом или поэтапном переселении всего народа, причем в сильную враждебную среду, которой в Восточной Европе, по сути, не было. При втором варианте расселения — путем постепенных «выселений» части населения при сохранении «старой» территории — старые родовые связи уничтожались неизбежно. Этот вариант господствовал южнее Припяти. Соображения общей логики при опоре на германский материал (см. выше в пункте 4) и данные археологии для V–VII вв. по некоторым регионам упомянутой южной зоны позволяют говорить о том, что сразу после переселения родовые связи сохранялись только в низшем социальном звене — «большой патриархальной семье» и «большесемейной общине», археологически уязвимых с «гнездом» (группой) из нескольких небольших поселков²⁸. «Выше» могли быть только социальные и территориальные связи, без родовых и потестарных. На каком уровне находилось при этом этническое сознание, самоидентификация, сказать сложно.

---

²⁷ Yerohin A., Shinakov E. The process of Politogenesis in Anglo-Saxon England and Rus: Comparative Aspect // SEH. 2013. Vol. 12. No. 2. P. 107.

²⁸ Русанова И. П., Тимошук Б. А. Кодын — славянские поселения V–VIII вв. на р. Прут. М., 1984. С. 44–45.

Первые достоверные данные об этом — экзоэтнонимы «славянских языков» ПВЛ — являются и хронологически, и стадияльно более поздними (IX–X вв., может быть, конец VIII в.). С VIII в. в южной зоне структура расселения меняется: и внутри гнезд, и (в меньшем количестве, но большего размера и значения) между ними появляются «нерядовые» поселения, связанные с ремеслом, торговлей, управлением, военным делом (дружиной), осуществлением культа.

Таким образом, складывается многоуровневая территориально-потестарная структура. Связывали ли ее части какие-либо родовые отношения? Правителей разного уровня и знать, наверняка, связывали: об этом говорит и летопись (под 862 г.: «восстал род на род», что означало борьбу за власть «федерального уровня» между лучшими родами отдельных вожеств). А вот ниже община была уже «земледельческой», то есть территориально-производственной, хотя и состояла еще из «больших семей». Неясен промежуток между такой общиной и правящим родом — гадать не хочется. Кое-где, возможно, восстановились племена с системой генеалогического «фиктивного» родства — радимичи и вятичи «от Радима и Вятко».

Что касается дружины, то автор подробно писал об этом: она, безусловно, сыграла решающую роль в создании вожеств, но документально — только в Юго-Западном потестарно-политическом регионе²⁹. На Севере же дружину (в строгом, военно-социальном смысле слова) пришлось приглашать со стороны, вместе с князем, в уже сложившееся сложное вождество — «Северную конфедерацию племен», которую, впрочем, автор этого термина, Е. А. Мельникова, характеризовала (после призвания Рюрика) как «раннее государство дружинного типа»³⁰. Хотя в дальнейшем ее точка зрения по данному конкретному вопросу стала более диалектичной, «дружине (или аналогичной ей военной организации)» она все равно отводит «основополагающую роль» в «определении всего облика зарождающегося государства»³¹.

Мы готовы согласиться с данной позицией, считая возможным говорить даже о «дружинном государстве» как о переходном периоде между сложным вождеством и ранним государством, и средством территориально-политического формирования последнего в Центральной и Восточной Европе. На Руси такое оформление произошло только в правление Владимира Святого, хотя зарождение процесса началось еще при Святославе³². До этого «дружина» (в строгом смысле слова была ведущей «элитной» военной и потестарной силой далеко не везде. В частности, на северянском (но не только) Юго-Востоке ее место и в войне, и в управлении занимала «военная иерархия», и происхождением, и составом, и статусом, и источниками дохода, и менталитетом от дружины отличная. Впрочем, подробнее об этом в методически-историографическом смысле уже говорилось³³.

---

²⁹ Шинаков Е. А. Образование Древнерусского государства... С. 156–161.

³⁰ Мельникова Е. А. Предпосылки возникновения и характер «Северной конфедерации племен» // Восточная Европа в Древности и Средневековье. Спорные проблемы истории. Чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 1993. С. 55.

³¹ Мельникова Е. А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы) // ДГВЕ. 1992–1993. М., 1995. С. 22.

³² Шинаков Е. А. Образование Древнерусского государства... С. 225–300.

³³ Горский А. А. 1) Дружина и генезис феодализма на Руси // ВИ. 1984. № 2. С. 17–28; 2) Древнерусская дружина. М., 1989; Шинаков Е. А. Образование Древнерусского государства... С. 42–45, 288–298.

Чем в Вашем представлении являлась славянская общность в VII–VIII и позднее, в IX–X вв.? Может ли, на Ваш взгляд, славянская общность быть определена как этническая? Каковы, на Ваш взгляд, были социальные механизмы, обеспечивавшие распространение и воспроизведение славянской идентичности в раннем Средневековье?

Понятно, что был общий язык с разными диалектами, затем разные близкородственные языки. Была схожая духовная (и частично ее отражающая материально-художественная) культура, имевшая скорее различия по племенным объединениям, чем по ветвям славянства. А вот было ли осознание общности происхождения, духовного единства или просто близости? Вряд ли. Для этого требовались знания, кругозор, определенный склад ума. Все это было только у «книжников» Болгарии, Чехии, Руси, Польши, создавших легенды о трех братьях Чехе, Лехе и Русе, указавших славянские народы в Европе и на Руси.

Но осознание единства в раннем Средневековье было не «русским», тем более не «славянским» (этого просто нет в летописях при описании не прошлого, а настоящего), а «христианским». Поэтому кроме летописей и хроник никакие иные средства распространения «славянской идентичности» в тот период мне лично не известны.

Данные о статье

Автор: Шинаков, Евгений Александрович — доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет, Брянск, Россия, shinakov@mail.ru

Заголовок: Что есть «славянское племя»? Ответы на вопросы редакции журнала «Studia Slavica et Balcanica Petropolitana»

Резюме: Термин «племя» и «племенное объединение» давно используется археологами, в том числе и автором, для обозначения этнотерриториальных общностей, в наибольшей степени соответствующих той или иной археологической культуре или ее подразделению для разных территорий и эпох, включая славянскую «древность» и раннее Средневековье. В то же время этими понятиями отнюдь не исчерпывается все многообразие этносоциальных и потестарно-политических организмов, в том числе синхростадиальных племенам или их объединениям. Племена славян, вероятно, в наибольшей степени соответствовали сегментным линиджам по материалам прежде всего африканской этнологии. «Вожества» могли иметь разную форму, в том числе и племенных объединений и даже крупных этнопотестарных племен с разными формами правления и организации власти. Механизмы образования племенных и надплеменных потестарных структур (а без них эти организмы существовать не могут) различны, но ограничены по количеству их типов (не более десятка), при этом существенно различаются у разных групп славян и германцев. «Дружина» может быть одним из потестарно-консолидирующих факторов, но уже на надплеменном уровне; на Руси — в качестве инструмента создания «раннего государства» на базе «суперсложного вожества» во второй половине X в. Славянская общность в раннем Средневековье объединялась схожими языками или диалектами, но более ничем, кроме сознания образованных верхов Церкви — авторов летописей и хроник.

Ключевые слова: племя, племенное объединение, линидж, вожество, механизмы политогенеза

Литература, использованная в статье

Горский, Антон Анатольевич. Дружина и генезис феодализма на Руси // Вопросы истории. 1984. № 2. С. 17–28.

Горский, Антон Анатольевич. Древнерусская дружина. Москва: «Наука», 1989. 124 с.

Горский, Антон Анатольевич. О стадии развития восточнославянского общества накануне образования государства Русь // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. С. 192–210.

Дворниченко, Андрей Юрьевич. Племенные структуры и славянские политогенезы (Реплика) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2015. № 2 (18). С. 152–160.

Кобищанов, Юрий Михайлович. Полюдь: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. Москва: РОССПЭН, 1995. 318 с.

- Коротаев, Андрей Витальевич.* Сабейские этюды. Некоторые общие тенденции и факторы эволюции Сабейской цивилизации. Москва: «Восточная литература» РАН, 1997. 224 с.
- Кочакова, Наталья Борисовна.* Рождение африканской цивилизации (Ифе, Ойо, Бенин, Дагомея). Москва: Наука, 1986. 301 с.
- Крадин, Николай Николаевич.* Понятие «племя» в современной антропологии // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2015. № 2 (18). С. 4–12.
- Куббель, Лев Евгеньевич.* Очерки потестарно-политической этнографии. Москва: Наука, 1988. 272 с.
- Мельникова, Елена Александровна.* Предпосылки возникновения и характер «Северной конфедерации племен» // *Восточная Европа в Древности и Средневековье. Спорные проблемы истории. Чтения памяти В. Т. Пашуто.* Москва: ИРИ РАН, 1993. С. 53–55.
- Мельникова, Елена Александровна.* К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы) // *Древнейшие государства Восточной Европы.* 1992–1993. Москва: Наука, 1995. С. 16–32.
- Неусыхин, Александр Иосифович.* Проблемы европейского феодализма. Москва: Наука, 1974. 535 с.
- Приймак, Виктор Володимирович.* Територіальна структура межиріччя середньої Десни и середньої Ворскли VIII – поч. IX ст. Суми: Археологічний центр Лівобережжя. Сумська філія, 1994. 76 с.
- Русанова, Ирина Павловна; Тимошук, Борис Анисимович.* Кодын — славянские поселения V–VIII вв. на р. Прут. Москва: Наука, 1984. 88 с.
- Шинаков, Евгений Александрович.* Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования Древнерусского государства // *Ранние формы социальной организации. Генезис, функционирование, историческая динамика* / Отв. ред. Попов, Владимир Александрович. Санкт-Петербург: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2000. С. 303–347.
- Шинаков, Евгений Александрович.* Формы ранней государственности западных славян IX–XII вв. (вопрос о дружинном государстве) // *Право: история, теория, практика.* Вып. 4. Брянск: БГПУ, 2000. С. 138–151.
- Шинаков, Евгений Александрович.* Образование Древнерусского государства: Сравнительно-исторический аспект. 2-е издание, исправленное и дополненное. Москва: «Восточная литература» РАН, 2009. 477 с.
- Щавелев, Сергей Павлович.* Общее и особенное при освоении Русью Курского Посеймья // *Русский сборник. Сборник научных трудов, посвященный 25-летию исторического факультета БГУ им. И. Г. Петровского* / Отв. ред. Шинаков, Евгений Александрович. Брянск: БГУ, 2002. С. 14–35.
- Carneiro, Robert.* The Tribal Village and Its Culture: An Evolutionary Stage in the History of Human Society // *The Archaeology of Tribal Societies* / Ed. by William A. Parkinson (Archaeological Series 15). Oxford: International Monographs in Prehistory, 2000. P. 34–52.
- Curta, Florin.* The Making of the Slavs. History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 453 p.
- Erohin, Alexandr; Shinakov, Evgeniy.* The process of Politogenesis in Anglo-Saxon England and Rus: Comparative Aspect // *Social Evolucion and History.* 2013. Vol. 12. No. 2. P. 102–119.
- Fortes, Meyer; Evans-Pritchard, Edward Evan* (eds). African Political Systems. New York: Oxford University Press, 1940. 302 p.
- Shinakov, Evgeniy.* The Mechanisms of Old Russian State Genesis // *Social Evolution and History.* 2007. Vol. 6. No. 2. P. 121–150.

Information about the article

Author: Shinakov, Evgeniy Alexandrovich — Doctor in History, Professor, Bryansk State University, Bryansk, Russia, shinakov@mail.ru

Title: What «Slavic tribe» is? Answering the editorial questions of «*Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*»

Summary: The notions «tribe» and «tribal association» have been used by the archaeologists, including the author, for a long time to define the ethno-territorial communities (the Slavic ones of «antiquity» and Middle Ages as well), correlating with certain archaeological culture or its local branches. Meanwhile, these definitions do not cover the whole range of ethno-social and politico-potestary bodies, including synchro-stadial tribes and their associations. The Slavic tribes can be associated with the segmental lineages, basing on the African materials. «Chiefdoms» can be of different forms, including tribal association and complex ethno-potestary tribes with different forms of government and organization of power. The mechanism

of emergence of tribal and supra-tribal structures, which are essential for these bodies, are different, but limited (about ten) and range in various Slavic and Germanic groups. A retinue can be a consolidating factor, but on the supra-tribal level. In Ancient Rus' it served as a tool during the period of the «early state» consolidation, which transformed local tribal associations — «Sklavinias» — into a new «supra-complex chiefdom» in the second half of the tenth century. The Slavic community of the Middle Ages was unified by the kindred languages and dialects, and by nothing else, except the consciousness of the educated high-ranked clergymen — the authors of the chronicles and annals.

Keywords: tribe, tribal association, chiefdom, lineage, mechanisms of polito-genesis

References

- Carneiro, Robert. The Tribal Village and Its Culture: An Evolutionary Stage in the History of Human Society, in Parkinson, William A. (ed.). *The Archaeology of Tribal Societies (Archaeological Series 15)*. Oxford: International Monographs in Prehistory, 2000. P. 34–52.
- Curta, Florin. *The Making of the Slavs. History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 453 p.
- Fortes, Meyer; Evans-Pritchard, Edward Evan (eds). *African Political Systems*. New York: Oxford University Press, 1940. 302 p.
- Gorskiy, Anton Anatolievich. Druzhina i genezis feodalizma na Rusi [Retinue of warriors and the genesis of feudalism in Rus'], in *Voprosy istorii*. 1984. No. 2. P. 17–28 (in Russian).
- Gorskiy, Anton Anatolievich. *Drevnerusskaya družhina [Old Russian retinue of warriors]*. Moscow: «Nauka» Publ., 1989. 124 p. (in Russian).
- Gorskiy, Anton Anatolievich. O stadii razvitiya vostochnoslavianskogo obshchestva nakanune obrazovaniya gosudarstva Rus' [On the development stage of East Slavic society before the formation of the Rus' state], in *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Yevropy. 2010 god. Predposylki i puti obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva*. Moscow: Russian Fund for Supporting Education and Science, 2012. P. 192–210 (in Russian).
- Dvornichenko, Andrey Yur'evich. Plemennye struktury i slavyanskije politogenezy (Replika) [Tribal structures and Slavic polito-genesis], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2015. No. 2. P. 152–160 (in Russian).
- Erohin, Alexandr; Shinakov, Evgeniy. The process of Politogenesis in Anglo-Saxon England and Rus: Comparative Aspect, in *Social Evolucion and History*. 2013. Vol. 12. No. 2. P. 102–119.
- Kobishchanov, Yuriy Mikhailovich. *Polyud'ye: yavlenie otechestvennoy i vseмирnoy istorii tsivilizatsiy [Poludie: A phenomenon of the home and world history of civilizations]*. Moscow: ROSSPEN Publ., 1995. 318 p. (in Russian).
- Korotayev, Andrey Vitalievich. *Sabeyskie etyudy. Nekotorye obshchie tendentsii i faktory evolyutsii Sabeyskoy tsivilizatsii [The Sabaean essays. Some general tendencies and factors of evolution of the Sabaean civilization]*. Moscow: «Vostochnaya literatura» RAN Publ., 1997. 224 p. (in Russian).
- Kochakova, Nataliya Borisovna. *Rozhdenie afrikanskoy tsivilizatsii (Ife, Oyo, Benin, Dagemeyya) [The birth of African civilization (Ife, Oyo, Benin, Dahomey)]*. Moscow: «Nauka» Publ., 1986. 301 p.
- Kradin, Nikolay Nikolayevich. Ponyatie «plemya» v sovremennoy antropologii [The concept «tribe» in contemporary anthropology], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2015. No. 2. P. 4–12 (in Russian).
- Kubbel', Lev Evgenievich. *Ocherki potestarno-politicheskoy etnografii [Essays on potestarian-political ethnography]*. Moscow: «Nauka» Publ., 1988. 272 p. (in Russian).
- Mel'nikova, Elena Alexandrovna. Predposylki vozniknoveniya i kharakter «Severnoy konfederatsii plemen» [Prerequisites of the formation and character of the «Northern confederation of tribes»], in *Vostochnaya Yevropa v Drevnosti i Srednevekov'e. Spornye problemy istorii. Chteniya pamyati V. T. Pashuto*. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences Press, 1993. P. 53–55 (in Russian).
- Mel'nikova, Yelena Alexandrovna. K tipologii predgosudarstvennykh i rannegosudarstvennykh obrazovaniy v Severnoy i Severo-Vostochnoy Yevrope (Postanovka problemy) [To the typology of pre-state and early state formations in Northern and North-Eastern Europe], in *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Yevropy. 1992–1993*. Moscow: «Nauka» Publ., 1995. P. 16–32 (in Russian).
- Neusykhin, Alexandr Iosifovich. *Problemy yevropeyskogo feodalizma [Problems of European feudalism]*. Moscow: «Nauka» Publ., 1974. 535 p. (in Russian).
- Priymak, Viktor Volodymyrovich. *Terytorial'na struktura mezhyrichcha serednyoy Desny i serednyoy Vorskly VIII – poch. IX st. [Territorial structure of the interamnum of the Middle Desna and Middle Vorskla in the 8th and early 9th centuries]*. Sumy: Archaeological Center of the Left-Bank Region. Sumy Branch, 1994. 76 p. (in Ukrainian).

Rusanova, Irina Pavlovna; Timoshchuk, Boris Anisimovich. *Kodyn — slavyanskije poseleniya V–VIII vv. na reke Prut* [*Kodyn — the 5th to 8th century Slavic settlements on the Prut river*]. Moscow: «Nauka» Publ., 1984. 88 p. (in Russian).

Shchhavelev, Sergey Pavlovich. Obshcheye i osobennoe pri osvoenii Rus'yu Kurskogo Poseym'ya [General and specific features in Rus' opening up the Kursk Seim region], in Shinakov, Evgeniy Alexandrovich (ed.). *Russkiy sbornik*. Bryansk: Bryansk State University Press, 2002. P. 14–35 (in Russian).

Shinakov, Evgeniy Alexandrovich. Plemena Vostochnoy Evropy nakanune i v protsesse obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva [Tribes of Eastern Europe before and during the formation of the Old Russian state], in Popov, Vladimir Alexandrovich (ed.). *Rannie formy sotsial'noy organizatsii. Genezis, funktsionirovanie, istoricheskaya dinamika*. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences Publ., 2000. P. 303–347 (in Russian).

Shinakov, Evgeniy Alexandrovich. Formy ranney gosudarstvennosti zapadnykh slavyan IX–XII vv. (vopros o druzhinnom gosudarstve) [Forms of the early statehood of the the 9th to 12th century Western Slavs (The problem of state based on retinue of warriors)], in *Pravo: istoriya, teoriya, praktika. Issue 4*. Bryansk: Bryansk State Pedagogical University Press, 2000. P. 138–151 (in Russian).

Shinakov, Evgeniy. The Mechanisms of Old Russian State Genesis, in *Social Evolution and History*. 2007. Vol. 6. No. 2. P. 121–150.